

АЛЕКСЕЙ РАДОВ

PARLAMENT

**Smoking
kills**

Алексей Радов

Smoking kills

«Пробел-2000»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Радов А. Г.

Smoking kills / А. Г. Радов — «Пробел-2000», 2017

ISBN 978-5-98604-619-8

Очевидно, чтобы оживить литературу, ее надо хорошенько, по-настоящему убить. С поэзией это иногда проделывают, с прозой реже. Проза тяжелая, так просто не убьешь. Перед нами совершенно новая проза, причем, в отличие от иных «новаторских» потуг, не только не скучная, – захватывающая. Сюжет, действие, диалоги, персонажи. Как снящееся кино – не оторвешься. Вашему вниманию предлагается книга Алексея Георгиевича Радова «Smoking kills».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-619-8

© Радов А. Г., 2017
© Пробел-2000, 2017

Содержание

Глава 1. Избрать избирателя	6
Глава 2. Исчезновение	9
Глава 3. Лучшие друзья	11
Глава 4. Дать	14
Глава 5. Дорогая кола	16
Глава 6. Лейтмотив	18
Глава 7. Лепестки	20
Глава 8. Переключатель	22
Глава 9. «Бить ребенка»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Георгиевич Радов

Smoking kills

© Радов А. Г., 2017

© «Пробел-2000», 2017

Глава 1. Избрать избирателя

Прыгнув на правильное расстояние от километрового столба, ведшего счет времени, было не правильно понятно, зачем все устроено на свету лучше, чем в почти не нужных сводках. За вчерашний день около пятидесяти теней расстроились в грядущем.

Нельзя чтобы это было известно всем, тем более интересантам, они могли помешать, что тогда останется на откуп вовлеченным в творение новых свершений для менее нужных мыслей. Стоит спросить себя, жонглировал переживаниями Молебский, но его отвлекали от того спутники – два избирателя. После битв на честь и совесть, для лучшего из миров не было возможным ответить что стоит жизненное пространство, и иллюзорность падала на биржах, где иные могли позволить другим выиграть, оценить потери прочих. Чем не условленные сигналы, чтобы взять происходящее в руки и напасть на людей, застывших между безмятежным.

Тревожная нежность любимых мифов и милость к павшим на некоторые мгновения дали разлуке с происходящим постылый конвой, оцепить узы асфальта и внести в них свое, не нужное для части мыслей, но оптом сгрузить на быт. Груды забот вели его через толпу, настроенную враждебно в отношении быстрого ходака. Этот день ничем не выбивался из происшедших, но давал покой тяжелым векам. Все могли повернуться и достать оружие, начать прямо не сходя с неспешных траекторий бить лучших по моментам ушедших стремлений, нести по стынущим в надежде на милость сверху идеалам веления к битвам.

Приметив девушку в километре от намеченного места, просил ее дать исправить допущенные промахи, но не все стоит теплоты слов и рассудка объятий. Где ткнуться в городской линии одинаковых лавок, дать немного искренности в обмен на нет порицания. Не дав ему опомниться, она скоро объяснила необходимость следующих поступков, почти у цели.

Где им просить милости погоды или приходиться на выручку попавшим в тяжелое положение сослуживцам. Некоторые проявляли неуместное упорство, не желая ненавидеть грядущее и потеряв ту часть общего, что делает счастье порогом для других.

Не боясь споткнуться о невидимые преграды, тщась улыбнуться, чтобы дальше продолжать движение на самой конечной они были целым, но потом закружились в водовороте. Мостки перекинута, хотя надо не столь много, и все тени за. Ранее эти непохожие на прошлые визиты потустороннего объекты вели себя мирно, не изменяя обычное для свирепых граждан.

Она так хотела быть понятой, но не было сомнений – за ними следят. Для чего, никто пояснить не возьмется, любая профессия имеет право на сочленение похожих квадратов событий. Сильная тень отошла от стены, где смешивалась с чарующей облицовкой, преградила дорогу. Пытаясь подобрать слова, столь трудные, но правильные, тень вела себя достаточно игриво, хотя и мешала знать, что ей надо. Другая тень слетела сверху, прямо с золота небес, напала на шедшую быстро на контакт ту, поединок мог занять их, отставить тягость разговора. Не все любили переполох, многие вжимались в расставленные для удобства проживающих за ними изгороди, прятались за спинами не столь любознательных, убегали в согласии с происходящим.

Иногда избиратели тыкали, провоцировали, требовали добить заведом терпящего неудачу оппонента. Больше ценили противостояния, когда проигравший растворялся, или как называли специально вошедшие в курс дела, расстраивался, тогда легко можно было тянуть приятную тьму, такая экономия на последующем питании вызывала заслуженную зависть дома, на работе, посреди посетителей мероприятий культуры. Сейчас они были почти одни, и могли рассчитывать на хорошую порцию энергии, хотя после переворота в правящих кругах, или в следствие частых затмений, иногда теряли свое наблюдавшие, и часты были случаи, когда никто не приходил на помощь.

Сегодня совершенно не повезло, и они бежали, очень удачно, взявшись за руки и крича что-то на языке любовников. Словно песня о давних добрых свершениях будоражили крики людей по обе стороны незнакомого района. Остановить наглецов, призвать соблюдать правила приличия, но вместо того одни отворачивались, другие делали только вид, что нападут, сами отодвигаясь ближе к недавно отремонтированным фасадам. Не давая ничего сказать своей избраннице, чтобы не портить впечатление от умелого маневра, когда проигравший избиратель нежданно притворился победившим, а тот тускнел, не чтобы исчезнуть, а для очевидного постоянно ловившему их на своем продвижении в ту или другую сторону Черского, предложил милым взмахом кисти успокоиться в деликатном заведении, играла яркая вода в переброшенных через проходы аквариумах с обитателями пресных водоемов, дававших в пору ровный загар уставшей за рабочие склоки коже.

Ангелова думала поменять в голове один ход размышлений на другой, отказав себе в удовольствии посмеяться над желанием дорогого стать ближе за счет перемалывания правильных суждений. Приманить и отодвинуть на второй план, смотреть в небо, презрев досужие эквивоки.

Ропот слышался, когда они пробирались через взявшихся по случаю празднеств жителей, ждавших падения миллиона конфетти с кружившего метра в ста дельтаплана. Люди смыкались, мыкались, мычали не одобряя.

Вреж стоял в том же месте, в руке его была печать времени. Покрутив, и заштамповав незаметно пролетающий воздушный шар, он оскорбленно обернулся, предвкушая расслабление в компании друзей. Небо подыграло тьмою.

– Избиратели! Спешите в укрытие!

Никто не слушал предупредительных возгласов. Сейчас они увидят не частое зрелище – армия против предводителя повстанцев. Лишь немногие, в том числе сами пришедшие в парк на премьеру зимней коллекции, смотрели ввысь, другие в надежде на чудо раскрывали горизонт, там за гранитной пустыней.

– Не знаю, почему вы все время против меня – разве два часа делают погоду, могли вполне остаться на набережной, провести там время в компании таких же добросовестных любовников. Вы не такие мне нужные, чтобы я видел вас в красках, думал чем займемся, хвалил посетителей. Знаю еще несколько таких, опережают начало баталии, даже не значимой в общем ходе борьбы. Ты за тех избирателей, или ждешь кустовика, – спросил только Вреж, на что Черский отреагировал, заграбастав его бокал, но так и не отхлебнул, цвет не приглянулся.

Она помолчала, стрельнув в добрые перекрытия заведения.

– Начинается! Не пропустите, – предупредила вырвавшаяся от крепкого парня милочка, махая изящно запястьями.

– Слышала, сегодня самый важный поединок, все ждут, будет интересно, будут первые лица, многие прибегут, бросив учебу, отпросившись пораньше у понимающего начальства, оставив послушных детей в игровых комнатах.

Бросив Ангелову на Врежа, Черский поспешил за многообещающим выражением.

– Не надо, – попросила подруга, но он уже был на расстоянии не протянутой руки.

Предвкушение настоящего переживания бурно овладело этим человеком. Он и не мог представить, что в его отсутствие оставшись наедине друзья предпримут все, чтобы обменяться ценной информацией. Не стоит преувеличивать опасность от рядовой стычки, но когда сверху прибывает резерв, хватает тех, кто загодя уматывает в безопасные укрытия в виде навесов или полуподвалов. Всполохи от поверженных, что прекращали свое существование так и не дав настойчивой публике насладиться зрелищем гибнущей прямо над задернутыми головами твари, рожденной там, в печали и злости, направленной в небо для защиты людей и ставшей жертвой своих примитивных подобию. Вдруг небо подернулось печальной дымкой, бросились под ноги уставшие от опасности падения избирателей гуляющие, раздался призыв к отступле-

нию, бывшие в себе очень приятны для прочих сограждане переглядывались, украдкой презрев метания рассудочного гнета, отворив в небо протяженность десен мимо проскользили молодые рекрутеры одной из основных политических партий. Одна из группы призывно улыbnулась ему, не успев скрыть это от сопровождающих. Не частое природное явление, или согласно артикулированию избранных явление вселенной на явь человеческих линий, без прозябания в неизвестном чувстве огорчения, сегодня не мы их. Кто нарушил спокойный ход прямолинейного столкновения, лишил не заслуживших то собравшихся ласки релакса, если не тот, которого боятся даже те избиратели, что живут на просторах не близких от данных красивых мест. В прошлом году он имел возможность видеть, что там происходит, где связаны по признакам специальностей деловые и честные, что называет диктатом и подавлением инициативы с мест. Новый избиратель практически вытеснил в подсознание занятные полыхания проигрывающих, избиратель избирателя пришел взять обещанное, возвестив свое появление тождественно числу зрителей. Он примкнул к плотному кольцу решившихся увидеть проигрыш со стороны фактически монстра относительно других, не таких громких и рушащих наружные барьеры психики горожанина.

Одновременно с разворачиванием драмы, обожгла ликующий мозг неопровержимая сентенция, нечто имеется промеж Ангеловой и Врежа, они там вместе, возможно вместе не впервые, пришли и такие соображения, милующие пронзительные взгляды при случайных встречах, поддержка в обсуждении назревших вопросов относительно безопасности среды обитания.

Ревность захлестнула по громоздкие шорохи переносных обучающих штендеров, остановились знамена на бесцветных по наступающий вечер флагштоках. Преклонение перед отечественной историей и гордость за успехи на ниве международного обмена, прорыв в науке, о чем не щадя завсегдаев чайных объясняли отвергнутые владельцы совместных хозяйств, жалея застигнутый на нелюбимом занятии человеческий капитал, они хорошо поработали, в чем не были уверены про сидящих напротив. Шанс видеть избирателя яснее, чем намеки на пляж в пальмочках, где они объединятся против несправедного коллапса личных переживаний, скрытых завесой покорности и верности заявленным оставившим этот трудный путь грамотеям, обучившим не только своих основам предсказательного отрицания, и взявших антитезу мы и они в просчитываемый наперед оборот, денежная эмиссия подразумевалась за всеми акциями, начатыми не практикой взаимопонимания. Она с Врежем, сейчас и не застанет их, истинно, среди отдохновения взора на стиле одни ломти фруктовых нарезок широко улыбались.

– Вы не видели тут девушку, она еще с таким, – потребовал ответа у одинокой компании, явно недавно сделавшей правильный заказ.

Нет, отвечали ему вразнойбой. Пошел обратно, проклиная неловкость в обыденности глупости смущения, затем посмотрел в гущу ударов, где обычные избиратели не могли схватить и части зверства, чинимого избирателем избирателей, некоторые к ней примыкали и шли против собственного воинства, прочие отлетали в очередь шедших на величайшую для них вечность, взявшейся выручить только им понятную долю из целительного веера привыкших к разному для противоборствующих результату. Рядом вдруг очутился Вреж, где-то утирала незнакомому малышу рот после угощения пряной патокой Ангеловой.

Глава 2. Исчезновение

Будни парламентаров, пересечение линий времени и совесть. Потертый палас хранил тайны многих. Не будь он просто вещью, мог поведать о королях и знатных дамах, пирах в скромных закутках, он знал лучшие дни и тихие вечера, когда одни избранные могли наслаждаться приятным блеском наманикюренных стен. Двое шли медленно, порядочно оглядываясь, стремление притвориться, они не тут, лишь не сильные избиратели ведут востребованную беседу. Что объединяет этих непохожих спутников, жажда нажиться, схватить за встревоженные щиколотки случайного встречного, пригласить томимых в восторге стоящих аудиенций практикантов опять на чай, смерить до пят жертву совестливых затей. Не затем они хотели смотреться выгодно, предлагать часы, провести в дружественной обстановке обед. Тут принимали к работе постановления, не ждали хорошей реакции, таясь указаний непонятых ниже граждан, отказывали и брали на жмот. В части вили гнезда, не покидая упрямой неги, приглашали в театр на «Pentagon Faggots», менялись ключами от комнат. Случались дни, в которые привычные будни претворяли иной выходной, столпотворение карденов и свежие тиссо, молчание обоев, принятое за единицу информирования, делегаты, сменившие холостой съезд на переговоры.

Извиняющиеся лица, прощенные на воскресение подданные блокеры, Вьетнам, упавший на проходки, штурмовики, прячущие избитые выражения за цепью вежливой тени уголков, цыкая на шумы рядовых лампочек.

Признать в чередующих короткие согласия с признательностью, евангелические тригоны с голографией, даруя походя рубины, вдохновение деля на привычно замерших в неприглядном кощунстве леди обладающими аналогичной значимостью багетами можно ли, думал сбить на траверс правый.

– Подожди меня, – обратился к нему второпях посыльный с тяжелой папкой, угрожая не мятым кулаком.

– Знаешь его, – спросил спутник.

– Будто ты нет.

– Отрицание не в твоих интересах.

Звон посуды раздавался в интершуме. В шоу-руме британец Патрик от горячих оваций заменталился. На расстроенные вопли оттуда бежали красивые, полные зла на организацию члены пула, наполнив спокойствие дверей гвалтом десятков вибраций.

– Давайте представимся?

– Линии времени, – предупредил начало обмена репликами второй, признав свое место. Ему не виделось многим сущее, но мнилось, часть людей в здании будет против происшедшего, о чем не стоило проблемы видеть по летящим фигурам, полным скорби в равновесии плечам, холодному приему грядущих свершений.

Перечисление фамильярно провело жизнь на сторону добра, когда лучшее из случившегося с ним приняло в ряды многомерных последовательностей поступь вялости раскаяния. Когда он задумывался, почему никто не следует прошлым переживаниям, принимая на исходных позициях других за чистоту и храбрость, хотелось биться с бюрократией, вонзить кровь в ниспадающие похожие трилистники, ставить на забеги, когда передают по пустым трибунам галопирующие искатели приключений, оставившие гаражи с моделями не в тренде на откуп слетевшим ампирам.

Оппонент совсем не стремился быть накоротке, предшественник походил на правителя бурей на заливе, внезапные рейки уместных в иных покоях гарнитуров, плохие побеги вечного поиска блеска хамства и владения повторением одиночных драм, что паром внес на широкую пристань застывшую контру мотивов.

Пора ласки в горностае тапочки, хвалить борьбу с беспорядками, начиная на юге восстание нежности к простой земле, храня ставленников известных кругов от назойливости праздных.

– В данном заседании нашей группы я сделаю упор на известном мнении, конкретное количество отобранных членов с различным уровнем образования и свойствами личного характера может совершать непонятные для других действия, влекущие необходимые изменения. Мы, смотря присутствует почти полтора десятка из первых, кто постоянно заходит, попробуем создать парламент, правительство природного доверия. Начнем с хранилища, в нем ряд документов, порочащих одного из полезных союзников по внедрению депозитарного банкинга. Каждый думает, что хранилища больше нет. Мгновение, исчез.

Теперь давайте представим, что исчезло что-либо еще, например, символы государственного порядка с барельефа на здании министерства природных ресурсов.

– Как пойдем, что это произошло? – спросили несколько в терцию из задних рядов.

– Пошлем ответственных спросить кого.

– А если они не вернуться? Придут в изначальное состояние материи, точно Клайв Дэвис по признанию дорогой.

Глава 3. Лучшие друзья

Чтобы не происходило, Вреж всегда стремился чувствовать себя на высоте, но никто из хороших знакомых не предполагал за ним веселого нрава и делил кров, даже постель, без сцен и мечтательной трезвости, по части баловать себя культурной жизнью всегда он шел на вы, когда по низким нечетким облакам пробивался свет, он вставал на колени и слагал броуновство сознательных процессов в математически логичную цепь, ведущую неотвратно к неукоснительно соблюдаемой идиоматике: что никто не стремился выставить жестокостью, хотя одни друзья и видели в нем больше чем истребителя капусты. Прямо перед ним на изысканно треснувшем асфальте материализовался ворох документов, явно с привлекательным содержанием. Вытащив из кармана подходящий ключ, Вреж принялся терзать им, точно рыцарь булавой скважины, точно нефтемагнат размечать, мечтая обойтись без рабочей силы, диаметры скважин. Внутри были бриллианты, они светили насквозь пронзая яркими красками доступной Гвадалахары.

– Гваделупе, я не и мечтал о решении моих временных трудностей таким образом, пожалуйста, Де Бирс, – воздел он приторно локти в солнце.

Без происшествий добрался до Постоялого Двора, где смог расслабиться в одной из сюит. В дверь тотчас постучали, это встревожило.

– Я никого не звал, – возразил он.

– К вам посетители.

Дверь сама открылась, вошли мужчина и женщина блистательной внешности. Она была хороша собой, он воплощал самые сильные свойства мужественности.

– Мы так заглянули, – взялся пояснить мужчина. – Не составите компанию в бридж?

– Мне нечего предложить.

– А ваши бриллианты, они не считаются?

Вреж успел заметить, девушка сграбастала все бриллианты со стола, что по неосмотрительности не спрятал, и беспечно подхватив своего вокруг спины, покинула несчастливую комнату. Часть еще оставалась в подкладке, не пожелав рисковать, Вреж покинул гостиничный комплекс и направился к южным воротам города, где неподалеку от чарующей гряды кварцита ждали сообщники, с ними можно иметь разговор касательно перехода границы ночью или покупки свидетельства на приобретенное имущество. Нынешним вечером они хотели порыбачить, его улов мог и не приглянуться, что сделать если бриллианты оформлены на солидный траст. Пройдя не более чем с треть, устав и замотавшись, решил поверить перемене в пропитанном фобиями негативном теле, не так чтобы требовалось много или мало для полноты принятия бравурности настоящего, что ему надо в непреложном одиночестве и злом рассудочном принятии на спор ноги, если не стремиться не к своим, что могут в целом и понять иначе, покинуть насиженные места.

– Прошу меня выслушать, – приступил к объяснениям поравнявшийся недавно господин. – Я могу решить ваши неприятности одним словом – сдавайтесь. Я успешный прорицатель, а вы погрязли в нарицательных местоимениях, они не позволяют нанести сокрушающий урон в отношении правил приличия. Буквально в трех кварталах мои наемники, они не станут церемониться с вами, простите. Наверняка есть и человек, вызывающий однозначные чувства, и то чему посвящаете выходные, уважение коллег, видно по аккуратной одежде, не мятежному лицу. Мы не знакомы, и не стоит перебираться на мою сторону. Просто отдайте куртку, взамен могу даже поменять на этот брендовый плащ, мне из-за океана прислали, первый выход. Не надо проявлять неблагодарность, не в наших интересах, не послушаете, что говорит совесть, не надо быть самодостаточным. Тех, кто пришел до меня уже попросили, и они, выяснилось, молодцы и заставили долго вести никчемные переговоры. Снял верх, кому объясняю.

Это вам не штаны на рынке менять по утере штырька на лейбле после катания на мотоцикле. Я и так потратил изрядно полемического задора, видишь, общаемся на равных, без давления и весомых аргументов.

Вреж снял куртку и неодобрительно оценил реальность силового разрешения.

– Представить элементарно, что за тем перекрестком, никто в процентах не даст гарантий, возможно, ребята мне не поверили, или они ждут нас, а то и одного, в элегантно летнике, готовые отнять и документы, потом нанести визит домой к тебе. Понятно, или хотите продолжения.

Вреж протянул куртку господину в плаще. Тот с нескрываемым неудовольствием взял ее, развернулся и пошел в сторону противоположную означенному скоплению ребят.

За предстоящим углом его ждали несколько человек. Где куртка, – видел он в них. Ускорив шаги, стремился вниз, где спокойствием безопасности манила аллея.

– Стой! Лови его, – вправду или послышалось возбужденному уходом от преследования Врежу.

Он успел последним на было отъезжавший троллейбус, по левую сторону пристроилась, можно предположить, по его поводу, белая машина. Рядом пристроилась обворожительная красотка в неоновых чулках похоже, ей хотелось скорее расплатиться за вояж, но неловко было отвлекать оценивающего автомобиль Врежа. Наверное, он работал во вполне хорошей компании, но после сумятицы, постигшей конкуренцию в ее отрасли, понять где именно, не смогла.

Из машины ему показали кулак, что заставило побледнеть, внешний вид пассажиров свидетельствовал, вмешиваться не будут, хотя двое у окна могли раньше и вступить и выдать на ходу стекло, но его неуверенный в них взор заставил молодежь отвернуться и оглядеть транспортный поток, где преобладали джипы.

Девушка тоже видела грозный жест из окна. Ей уже хотелось быть ближе к нему, лучшим другом. На остановке он вышел, а она подавшись ностальгии отроческого порыва спустилась вслед. Район не был совсем знаком, нечто тяжелое преобладало в чистых лужах, где замысловато краснили головками спички с позволенных прогибом газона ручьев. Машина остановилась в десяти метрах от них, она готова была сказать, что есть уже они, нечто в фигуре Врежа увиделось зовущим в новую эру отношений с мужчинами. Не хотела думать, что человек, столь много давший невольной аудитории троллейбуса, столкнется с превосходящими физически оппонентами, но сам момент был любопытен.

– Меня зовут Тиб, – разъяснил быстро дойдя до них один из вышедших из машины. – Вы не теряли куртку?

– Правда, но она не так чтобы сейчас необходима, тепло.

– Не стоит разбрасываться предметами обихода. Вещи на то и выпускаются промышленностью, чтобы быть с нами потом. Рекомендую лучше не ходить по магазинам, на то ввести новую профессию, рост возможен при увеличении числа специальностей, это дискутируемо уже на уровне местных организаций. Вот и она, – закончил восклицанием не обязательное вступление Тиб и вручил Врежу куртку.

Похожую, но в молнии на рукаве не ту. Вреж принял предмет без возражений, лица вышедших к нему не расположили к отрицанию принадлежности куртки к его скромному ежедневному стилю.

– Не надо было забывать ее, – резче обвинила девушка, и приметив подходящее такси, потревоженная тенью похожего общения, отбыла.

– Мы заберем штаны, – заявил другой из подошедших. – У нас акция, по городу в тмоках, получишь за день, там можешь по пятницам. Хотим, пятница, и все не танцевать, а чинно в чем говорим. Мечта у людей, не самых последних. Я не тот за кого ты можешь принять такого, сомневался, выйдешь или миролюбиво кивнешь, проезжайте, не интересно, в своем автомобиле.

В новеньких тмоках, не реагируя на одобрение плывущих в Кардене дам, Вреж гордился курткой, но ничего. Впрочем, эта смотрелась симпатичнее не в пример, чем та плохо, что не в пример, и размер, или фасон подойдет. У него были еще дела, и не стоит смотреть так на одежду, точно она первична, хотя первое что видел еще в люльке, была рубаша отца, где можно достать подобный лет фланели, занимало до пяти лет, затем перестало, вспомнил, знает. Вначале быть настороже закона, что все не раз возвращается, будь то кильватер катера, что играет с не глубинным водоворотом, получилось бы самое то, линия на глади, схождение человеческого и самой природы, мчащейся вдогонку промышленным новациям, ставящей перед гигантами производства позу просителя считывателя, где раньше можно было оставить ближе к предпочтительному с мелочью, всех ровняют под одну скорость без корысти, дегуманизируя доброту торговца.

Глава 4. Дать

День клонил в сон, пропадая на кресле, расслабленно вести за собой тех, кто готов пойти на извлечение чипа. Таких к концу смены называли мертвецки поработавшими, не позволяли сообщать на титул передовиков. Зной приманил к любительской камере, в ней хорошо просматривалась и сами избиратели, и их изводные, то за что несчастных хватили и растаскивали по площадям, угощали излишне агрессивных с позиции взрослых, а кого родителей. К чему им свобода и чувства, владение собой на потеху, враждебность. Разряды срывали у избирателей самые нежные воздушные потоки, что поили создания поступавшим раствором из других избирателей, уже не совсем готовых дальше продолжать не поддаваться им. Ученые заступили за полночь, только перестали биться о крышу ветки кленов, этого избирателя они хотели выставить против лени ехать в село и там модулировать офферту. Им не могло придти и половины с продажи от номинальной стоимости, но до городских можно не успеть, хотя, все отмечали, переглядываясь на менее вредном для равновесия упражнении на баланс, отвечать одинаково.

Директор Тиб не собирался со дня на день оставить расположение подчиненных, относился к ним с тщетным позерством, чтобы не спрашивали, куда повезут материал, что получают. Такая позиция находила отклик в них. Можно было рассчитывать на уныние с прощением, или поглядывать по сторонам, желая получить указания до конца дня, в данном случае утра. На выезд решил взять только единственную девушку. Ничего про нее даже не знал, видел один раз, она красила флюоресцентом побелку рядом с окном, там ее и подхватил, влеча вниз, где избиратель был готов разорвать сковавший переносной терем.

Кто его поймал, уже жалел, стирая форменную тужурку. Где они берут этих людей, что потоком нескончаемо не дают ему видеть ее, или отличного работника ада, на день этот, когда сделка была ожидаема, взявшего направление в другой блок, можно и заглянуть, узнать, зачем новая обработка на сигналах, когда она реагирует на собственные удары о ковванную обивку. Им было комфортно, но не проехав и половину искомого расстояния, отправил сотрудницу обратно, она спала на слезы, вбила ногой коврик пассажира. Сняв направление, хотела ударить, но этика возобладала. Вспоминал это всю дорогу, жалея о поспешных выводах, войдет в курс.

Покупателей вычленил разом, оба нервничали, жалели о согласии. Для чего им такой товар, прибавить, в отличном состоянии, лучше не знать, тогда будет и возвращение до работы, где впрочем, ничего не напомнит, о неизвестном создании, мелькающем в электродном железе, приятно туманен, а не бел. Пересчитывая банкноты, он не мог и представить, что через пять часов будет находиться без них, в трубе, пропускающей почти пересохший поток реки, имевшей дорожное название, там никто не начнет и спрашивать о сданных выше отчетах, готовности к опытам по размножению в искусной кабине, где по сведениям работника, легко можно провести второй медовой на деревянную, не на деревянные, вставляла та же, что, надеялся, уже выполняет оговоренные обязанности.

– Не надо мне ничего предлагать, я продаю самые свежие киви, своя теплица, утепленная на период холодного фронта, что останется здесь надолго и заманит в квартиры, комнаты, загородные поселки, – пытались им объяснить на переезде сотрудницы агрокомплекса. Звали на постоянную работу к себе, на подсобное, шли в оборону, обещали написать жалобы, о них и не прознают.

Через десять часов его заметят на аттракционах, со спутницей моложе, не будет прятать не свои глаза, словно нечто поразило в естество, что быть то может, возьмутся угадывать они, или оставят при своих, направятся прочь, или отойдут на время, раскинут сети, переменят настроение, им все ни по чем.

Помнился Тиб, негативно берущий взаймы и падающий в объятия врагов, готовых порвать на клочки, но не получивших команды. Они хотели порвать с ним, бизнес шел бы под их началом, и было принято то решение, сочли правильным.

Страшные наверху, избиратели теряли внизу великолепие, привлекавшее на свету и не жадно настроенных обитателей, но им не перепадало и малости, крох со стола, плох, кого недолюбливала сама страна, ее дыхание перепаханной предками земли, но может решиться и он, чтобы присовокупить к изначальной данности лестные мнения о затраченных усилиях, тем более что условия были не такие, чтобы тяжело, и многим представлялось, немного совсем, и начнется лютое на что, нельзя заметить, в ажуре выгода продаж, и вместе не пожалели себя там, в подвальных экзиториях, где каждого пойманного избирателя можно было без труда просчитать на стоимость. Лобовое стекло дрогнуло, вгибаясь и вылетело с потрясающим свистом, тень, узнал ее, забрала водителя и понесла в сторону фруктовых садов.

Он вышел и пошел, наслаждаясь не скорым закатом. Равнина постепенно сходилась в правильную долину, где паслись тучные табуны. Не зная, в правильном ли направлении он движется, позвал путника с котомкой, тот отвечал, что да, вполне, за условным перевалом будут видны их первые строения. Избиратель, видимо все тот же самый, летал вверху, восстанавливая мощь. Ему и не нужен был данный экземпляр для понимания, род людей не благосклонен к ним, и не будет никогда, хотя зарекаться неуместно, паря. Видя это, Тиб пленительно ржал, предвкушая разнос подопечным, ни к чему толковому не потратившим битый день. Он мог и сам быть виновен в том, но не было никакой прыти в их жестоких розыгрышах над новичками, больных вначале недели и гремящих в почете на пятницу головах, связанных с ним общими задачами. В избирателях не было такой неприятности, восставали за справедливость, попорченную финансовой несостоятельностью многих. Они влияли на взгляды, голос, конституцию. Одни на глазах росли, поднимали предметы, некоторые учились управлять.

Стоимость качественного избирателя при их появлении выше, чем при расслоении или распаде. Избиратель стал приземляться, целясь в него или путника, решил, что надо совершить возмездие. Выбрав непричастного путника, избиратель ударил его, бедняга упал на колени, но тот был собою доволен и видя, что произвел впечатление, понял, можно покинуть их.

Глава 5. Дорогая кола

Вреж огляделся среди раскидистых полей колы, летали стрекозы, они звали на помощь, но скорый несея неумолимо. Им представлялось, что начался ураган, когда падают большие ветки на набитые тропы. Топот копыт донесся до слуха, это спешили враги, оторвался совсем немного. Хотел лечь и уснуть на этой влекущей к дому высокой траве, но не было времени даже спрятаться. Их было семеро, или даже больше того. На правильных в ином раскладе конях, что уже чуяли преследуемого одиночку.

– Остановись, у нас дробовики, – и они начали стрелять наугад по летящему в три погубели человеку еще не видя его и ненавидя люто за сопротивление, что не ждет разделить свою ничемную участь, никому не нужную жизнь отдать за так. Не стоило и выглядеть храбрее догоняющих.

Им чудилась мириада возможностей быстро решить задачу с ним, но нигде он, не могли понять, оглядываясь, натягивая по не могу. Их милые, но по то же время самодовольные лица, указывали друг другу нужное направление, в целом двигаясь в сторону характерного отрога. Ноги гудели, они видели и более приспособленные для конной погони складки местности. Вреж приглядел хороший камень и бросил в догонявшего, тот бравурно подпрыгнул в седле. Они открыли огонь по редкому колючему кустарнику, надежно хранившему убежавшего от выстрелов наугад. Самый правый спешился, не объяснив зачем. Похоже, задумал отстать от других. Вреж понял, что они не представляют того ужаса опасности, что заставили тело само продираться через непригодный для прохода участок колючек. Но беда все дышала в спину, била легкие, занимала мыслительную действительность. Метрах в семиста дымилось поле, видимо посадки вчера нашли изготовители алкогольных настоек, занимавших средние полки в симпатичных лавках небольших городов и пары селений, где чай и кофе не были в ходу, исключая ланч для деловой встречи, по северному рецепту, не считая бекона. Не позже нежели позавчера сам принял изволившего прибыть часа на полтора после назначенного агента, принесшего в любимый бар булочки своей новой на пробу, традиции семьи следует объединять с работой, намекнул он глазами, но после третьей отошел с неясным намерением к широкой под бревенчатую стене сбруе пегаса и разочарованным жестом, вроде скорби на более чем нежнейший поцелуй, объявил денонсацию предварительно заключенному соглашению, точно глава делегации с той стороны света.

Интересный он посланник, а могли выйти на прямое инвестирование в типовую штамповку в опечаленную срывом у соседей самую необходимую продукцию сети их фабрик.

До колы надо было продвигаться по ничем не прикрытому пригорку красной глины, он спешил, не забывая про зигзаги и фортели, а вслед уже летела дробь. По центру стояли суровые глубокие дождевые лужи, видел свое падение в камни, разбегающуюся от удара об отражение неона небес кристальную воду, чего не случилось. Возможно, их кони не были столь быстры, сколь удобны, или исполнительность выступила в решающую стадию боя с боязнью неизвестного. Из колы в ответ стали палить по ним, кричали, но что не слышал, занятый спасением себя. Среди горожан, брошенных на этой безлюдной равнине без поддержки, начался разброд, двое бросили третьего оставшегося конника и помчались прочь, ругая невидимых стрелков, а тот стал махать банданой, очевидно предлагая поговорить, но меткий выстрел уложил миролюбца на землю, откуда он принялся угрожать знакомым генералом.

– О ком речь ведешь, любезный, здесь нет порядка и каждый отвечает за свои пули и пробоины, хочешь, ползи прочь, не стоит вести себя нагло, – рекомендовали из той части зарослей, где находились стрелявшие.

Вреж выпрямился и спросил, что делать ему.

– Согласно собственным желаниям, это не наше поле, и пистолеты одолжили, так что можешь не рассыпаться в благодарности и не быть настойчивым в извинениях.

Молча одобряв прекрасных незнакомцев, по голосу, с юга, он стремился дальше, радуясь нахлынувшему ощущению полета и свободе от назойливых всадников. Примерно через километра четыре должны быть склады, на которых есть много чего для путника, настроенного и дальше вести сражение с намеренными отнять жизнь, вынудить отдать ценности, прохвостами, чье место в лапах чертей он совсем не хочет занять. Личный рост и командная игра, что важнее умирающему организму, сегодня не самый подходящий день для медитаций, прикрыть глаза, раствориться в теплом добре мира.

Началось не так чтобы удивительно, но неприятно, когда визитер, гопуя, цыкнул в застывшего у гардины модника, оба достали пистолеты, начали палить, подумал, что по нему, и правильно, кричали его имя, требовали встать, когда уже пригнувшись сматывался, сдергивая сбивая прицел скатерти с пустыми наборами приборов. Знал кто, вертелась по затылку сумма неосуществленного списания, поминал Врежа. Хотели вернуть сборочным цехом, привелось так, меняя закладки на профиле, в первом лице не замечая бессрочной ночи, проведенной не пойми с кем. Улица уместно поворачивала, по тротуарам бродили разнеженные флаерщики, в цокольном рыбном звали на помощь, там тоже нечто происходило не теша самолюбия всегда приветливого владельца. На счастье вверху начали биться новые избиратели, остановились автомобили, замедлили шаг покидающие магазины праздные жители. Ему заботы посторонних не требовались для счастья, летних воспоминаний ледяным зимним, знакомых звали задирать звереющих могильщиков искренних чувств, готовых побиться на спор. С той поры, юные годы отрочества не принимались на ура, не отречение от молодого задора, свойственного изначально человеческим детям. С похожими портфелями в этот момент презрев правила перехода через проезжую часть следовали беззаботно очаровательные студентки, не ведая, что можно очутиться в ситуации, связанной с подобным риском. Он остановился передохнуть и тут почти успели схватить, но реакция сработала, и он выбежал на дорогу. Лавируя между гудящими машинами, слыша свист, они убеждали сдаваться, точно страус от сафари, видя перед собой лишь пустыню, где недорого стоила одна жизнь.

Не надо быть ему лучшим другом, чтобы понять, он не тот, за кого выдают награду, люди пропускали, видя решимость и готовность не сдаться слышному и за квартал преследованию. Черский наверняка прикроет, если успеть загодя, хотя нельзя обладать уверенностью даже в том, кто не подводит обычно. Успел купить банку колы и поменяться впечатляющей улыбкой с прохладным торговцем, не закрывавшим на электронный замок неожиданно относительно включенный уличный шкаф для напитков.

Глава 6. Лейтмотив

Потеряв больше сил, чем мог представить, Вреж все же сел писать ей, прочтет к завтрашнему вечеру. Видел лицо, представлял, что отойдет незаметно, и обманув намерения жандармерии, поймет романтический порыв, пронзивший его до пят. Они следят, выжидают, готовят каверзы и подножки, словесно она сильнее, а в равном бою могла бы и надавать по интересующимся, но права на личную жизнь не было, кроме тех, на кого кивали, когда ее домашние отправлялись по дневным делам. Начал с приветствия красивого, пронзенного до основания острым переживанием, нехватка ее, не оставляющей мечты, была порою сильнее соблюдаемого моратория на слабоалкогольную продукцию, новые вкусы были прекрасны в других условиях, например, на пляже на деревянном шезлонге и видом на лежащий напротив пальмистый нежилой остров. Раньше на дальнем конце работал корпус гостиницы и туда каждый час отправлялась моторка на водных крыльях. Переложив деньги в другой карман, курортная мафия пришла к заключению о не высокой рентабельности проживания на нем.

Те, кому принадлежал островной отель ушли в тень и не появлялись долго, пока не стихли пересуды меж международных посетителей, получилось, многие приезжали для десятиминутного пути через небольшой залив. Она хотела стать его, вся целиком и часто в ответах умоляла не использовать столь ласковые слова и игривые обращения. Но через некоторое время переписка начинала скучнеть, и он подводил к запретной для связанных не близкими близкими теме, так, что томительно дыша, она иногда отпрашивалась пораньше и ничем не занималась, представляя себя, пишущей за него ответы. Когда темы увлечений и то были перебраны, не найдя повода начать вставлять пикантные обороты, принялся разбирать непростую историю его и Алены, на что с той стороны стали приходиться гневные и угрожающе упреки.

Тогда он перешел на выпады, почти склоки, они ругались заочно, не представляя чем такой обмен закончится, и ничего не начиналось в его жизни, кроме набора превосходных иронических эскапад, заслонивших будни от проволочек с выплатами, стоивших живого общения, потерянного на прогулках народа в выходные, премьеры, финалы, показы.

Тиб настиг именно за этим занятием, когда не было желания бояться и бороться с собою, противостоять этому жгучему чувству желания к ней одной от предвкушения любви, до уничтожения ранних писем, неужели эта вера в реальность встречи и что чем-то зацепила сильней рационального мышления взрослого человека, никто не взялся переиначить его в вере и такте прекрасного, но друг настаивая бил по лопатке, требуя прекратить заведший в вербальные дебри обмен репликами, они не на его стороне в борьбе против зла, чем он предлагает недвусмысленно заняться.

Обняв колени, Вреж взывал к ангелам помочь с благосклонностью недостижимой властительницы жеманных поцелуев, испещривших обратные письма петроглифами Улуру аборигенами. Она влекла и звала приехать, одновременно держа дистанцию, стремясь видеть в нем победителя, но герра Хойте, изобретшего шифр для разгадки тайных межстрочных мыслей, он был согласен на многое, но не оставить идеалы гражданской ответственности за будущее страны, поглощенной в целом разводками, и бросившей явно выпивать, будто секрет вампиризма не в ци-сянь, а психологический поединок, при том что у нее совсем, а он не конкистадор в смысле отношения к сокровищам, интеллектуальные сочетания находили понимание в ней, чтобы быть выставлены напоказ, прилюдно, быть отруганы в кают-компаниях лайнеров избитыми матюками и служить современным постановщикам вековых драм.

Вреж просил Тибя отправиться поглядеть, чем кто жив, пока новых писем не приходило. Они смотрели за тенью, мирно гуляющими по острым пикам близких небоскребов, нападающих на лучи солнца, или слетающих от невидимой луны. Встретив трех хороших танцовщиц, поехали в одно из ведущих заведений, где играл темповый джаз и техно.

К трем, прилично посидев и жестко заденсив, въехали в один из верхних этажей скай-отеля. Дверь вполне обычного quadro приоткрылась и появился убийца, хотел забрать самую необщительную спутницу, но встретил серию неприятных ударов, и потерял дар речи.

– Откуда он тебя знает? – спросил Вреж молчавшую весь вечер кряду девушку, но понял, что расспросы бессмысленны в их положении.

Проведя всю ночь в трезвом угаре, они вернулись к Врежу. В полученном письме девушка объясняла, нашла другого, в целом у них уже серьезно, и давно, знает его с детства чуть ли, и не понимает, зачем он разоряется в обнажении своих потаенных страстей, явно убивающих в нем скрытый талант. Тиб советовал подождать следующего ответа, не может она после всего так однозначно порвать с ним. Похоже на правду, но не совсем истинно, ведь в последней инстанции, а это вовсе не его сексуальность, но сила мысли и волевой контроль, она не играет роль ограничителя моральных субститутов, не имеет статуса единственной, при условии, что не думать о ней он не может в принципе. Отвергнув все предложения о дружеском участии, Вреж гневно отвечал адресату, он настаивает чтобы увидеться, бросит все, квартиру, обязательства перед заказчиками, изменить жизнь и быть ей другом в теплом ночи и спокойствии возлюбленного ею укромного курорта. Отдельно отметил, что ждет ответа.

Глава 7. Лепестки

Ангелова смотрела по сторонам, где ее нежданчик. Он появился из новостей радио, пришел со страниц «Комсомолки», просил быть с ним лицом подруги, она случайно прикоснулась к стене, на ней было замечательное платье и дивилась пагодами на панаме подруги, пришли вдвоем, ждали избранных, что не стремились быть лучшими и без опозданий дать самое добротное, что имеют, своим королевам на этот конец недели. Они смотрели на избирателя, спустившегося с заоблачных высот вихрем, напугав работницу, подрезавшую выступающие ветки. Бросив секатор, та подняла руки, она представляла избирателей не естественным свойством среды, а выбирающими монстрами, чтобы расстроиться и лишиться покоя, сна, редко, но жизни. Избиратель припал рядом и открыл зияющий проблеск первобытной материи, они видели пир в додекандровую эру, кидая палицы на плетень, менялось хмыканьем племя предков человека, похожих на их изображения в картинах ренессансистов, хотя уловимо отличных от общепринятого способа их изображения. Избиратель обвинил девушек и мысленно предложил придти за город, в тайный природный мир, где они живут, любят и страдают от столкновений с такими же, а причина в непонимании между ними и людьми. Избиратели всегда жили здесь, говорил, трепеща, избиратель, и были опорой для прощения проступков, говорила себе вслух подруга Алены. Она транслятор, заявила на одном из сходов по вопросу противоборства с избирателями, иной день делающих солнце невидимым, и при таком свете некоторые изобретали то, что занимало профессиональные группы, отщепенцы рубили с плеча и летели кувырки от выкорчевываемых пней в социальном настоящем.

Ее послушают, и не приди час, организуют тот же десант, что была вначале, после чистые от избирателей регионы переехали кадры, в которые было вложено порядком, они просили проработать правила поведения в коллективах, почти только.

Избиратель взлетел выше не пафосных кепок, и свился, зависнув элегантно первым планом от магазина «Хлеб».

– Давайте выпьем его, – они были на «Вы» со стороны подруги.

– Пока жив не надо, можно загреметь.

– Прошлый раз был и не назову когда, вдруг придут? Сами смотрите, совершенный диск.

– Я утром позволила себя напоить, сейчас не уверена, что получится, могу помешать тебя, – Ангелова покровительственно провела ладонью по мягчайшему ворсу воротника.

– Согласна, но посмотрите, чтобы меня не законтачило в невесомость, не смогу позвать.

Не дождавшись любого знака согласия, подруга жадно раскрыла объятия и подойдя к зависшему гостю с неба начала пить из середины диска. Сама приняла очень благодатный вид. Бедная так соскучилась по простому теплу, что не скрыла от Алены присутствие очевидных проблем с мужчинами, захотела быть еще более открытой с ней. Тело наливалось, от подруги окрест шло расслабленное умиротворение.

Та сторона прибыла на остов небесной воительницы, отметив дюжий аппетит подруги. Сквозь нее виднелся росток, пробившийся через стыки пореволюционного монумента, где еле различима проступала латинская формула, давшая подошедшим повод молодцевато хмыкнуть.

– Игорь, – представился один.

Очень приятно, объяснили девушки. Мигом завязалась беседа, о чем и знать не могли, но видели, скоро очнутся. Не представившемуся свидание не покатило, он стремился расстаться и упасть в объятия лаунжа. Ступив на путь противоречия с партнером, Игорь все же душевно обнимал ближайшую к нему красавицу, согласились что навестят популярный у центрального парка бар, там до четырех. Ждали программу, лампочки по периметру гарцевали, зовя прийтись к стойке из железного дерева, бросить заботы и тягучую вольность, отдать ночь весе-

лю. Она не могла найти повод покинуть трио. Отлично подискутировали про ансамбль, отринувший оперный почет за чартовый взлет. Соседний стол готов был драться, но им было в тягость покидать приятный строб. Сделав вид, подышит на крыльце, Ангелова просквозила через выход к спасительной трассе. В квартире взбила осевшее тесто, нашпиговала маслинами. Восхитительно подружили, релакс от горячего шоу не менее чуден. Кто будет с нею столь не обходителен точно Вреж, или целовать сладко, что до него. Они играли простыней в голыши. Ему верна все дни в декаде, самый ее, а подводит хороводами руководителей. Где изношенный двигатель дает не в такт, рой пчел кусает насмерть в горную реку.

Она резала без вкуса известного клипмейкера, хотя они должны быть на одной стороне, артикулировал он. Похож на второго неуловимо. Могла позвонить, спросить, чем занимаются, но сдержалась, презирая не себя. Где вы, позвала к обое, горевшей нирваной будд без тулку. Главный человек в мире, пропадающий в другой части земного глобуса, не хочет сейчас вспомнить, она ждет и верит, причастно мстя, взирая на мертвых алкашей, точно я, постулировал он, разбросаны безжалостной фортуной, не прихоть ее, верит, колдует или молится, когда в набат колотят. Зачем гладила стринги, а не шныр-выз.

Глава 8. Переключатель

Все переключатели были разбиты. Никто не мог дать внятных объяснений, что будет и когда займется на небе рождение дня, и чуть прибавит трудящимся над ремонтом конденсаторов. Откуда поступала энергия, что им хотелось, когда било солнце в разбитые ланчем виски. Надо было спешить, Тиб и забыл это чувство парения над пустой дорогой, ползущего даруя внятную прохладу тумана, путающего беспокойных продавцов грибов, успевших за час рассвета освободить штук по семь оцинкованных ведер. Сзади трогательно сопела спасенная с пустой остановки парочка, им всего и надо проехать до четвертой деревни, но другие проносились мимо, крутя у головы дрелями. Он проявил человеколюбие, сам понимал это. Добрейшая душа, не подводит. Пригласили полакомиться ягодами с ароматным самодельным горным. Будучи вежливым с ними, чинно возглавил деревянный стол в палисаднике, наслаждаясь свисающими ветвями фруктовых деревьев, пошедшими в цвет. Мимо проплыла девушка с правильным овалом выреза, позвав с собою в вечное путешествие до райских куш. Выйдя на грунтовку, млел от пронзившего до костей черепа взгляда, давшего ясность принятия неизбежного, а чего. Персонал, конденсаторщики, завидовали новой машине, разрезающей утро и вторую половину дня, знаменующей жару и возможность попросить закончить раньше. Это к ним, директор сменил презентабельный бьюик на более представительный джип, и сейчас будет говорить с ними на одном языке, в отличие от бригадиров, уставших понукать в одинаковых промахих.

Ему жали руки, предоставляли отчетные папки смет, горделиво обводя холеными ладонями результаты работ. Рядом с одним из строений вились халатчики, связно нанося деления на широкий экран, отражавший еженощный расход. Где вы взяли подобные маски, кричала на них группа проектировщиков. Когда директор с сопровождением приблизились, они взмолкли, сиюсь слышать команду на сегодня. На амбаре около возникли четыре одиноких фигуры, они сбросили растяжку «Нет тяжелым металлам».

– А да чему, – подхалимски спросили директора, но он был занят, выискивая неточности в конструкции экрана. – Что с ними делать?

– Свободу окружающей среде! Позор предателям родной земли, – скандалили с амбара, с дороги их шелкали на передовицы изданий.

– Не хочу прослыть жестоким управленцем, выпроводите их отсюда. Молодые люди, прекратите, – повысил в конце тирады директор голос.

– Нам даже выгодно, сделаем хороший комментарий, – урезонили сбоку.

На экране было видно, что в последние месяцы теневая активность росла спорадически, что привело к серьезному числу беглецов из контролируемой территории, значит в посещениях избирателями города виновны именно они, что безусловно повлияет на денежное вознаграждение, падет престиж профессии в клубах. По изможденным срочной сменой молодцам пробежал ропот, когда по еле заметному движению директора, открыли и вторую шкалу, где фиксировались результаты теневой трагики, порядковые номера новоявленных теней не совпадали с результатами независимых тестов. Получается, иностранцы совершили акт шпионажа, отправленные выше наблюдения оспоримы, и нет гарантий в отсутствии массовых сношений избирателей и жителей, при современной плотности ткани, один самец может взвиться и пасть на расстояние, выше требуемого расчета времени на его дезинтеграцию. В резерве внутренних пространств дола избиратели вились дружно, относительно них резонно утверждение о любовных забавах, ведущих к появлению молодых, плохо контролируемых в изоляции. Теневой рост и стремление жить и ловить лучи небесных тел, блистая наперед сородичами, становились ведущей характеристикой молодняка по второй шкале.

Тумблеры переводили ранее по часам к не самым частым заездам верхушки корпорации. Директор был свой, но подчас чужд просьбам обойтись без увольнений и штрафов.

Он мог бросить ряд светских взглядов и укорить по стыду во всем виде персонала, а не смотреть правильные данные, ругая себя за исполнительность. Противоречие мира теней и людских забот, зовущих последних на улицы за зеленым светом светофоров и матовым глянцем заносчивых манекенов ориентируясь на заверения штатных аналитиков, ступало в конечную фазу. Реальность предмета обсуждения приняла несвойственный вид, директор жеманил, звал арбитром бригадира. Лучше не было бы наглядности противоречивых данных. По сторонам звали на слом слова, хотели составить на портфелях отчет за его фамилией, некто в лоб получил, что сигнал не дал.

За неполный месяц общая протяженность избирателей составила недостижимую с введения последней шкалы цифру. Придется отправить отряд и посмотреть, в чем причина.

Боязливо и неприязненно к постигшему несчастью, в рабочем режиме делили обязанности, пяток дней этих занесет в головы сумятицу, но разбавит будни. Пойдут четверо или пятеро, настроенные быстрее вернуться и погасить возникшие недомолвки в рабочих отношениях. Обстановка не внушала ужаса, но собравшиеся не хотели ночевать на природе. Практически в двух ходовых днях следующий экран, а будет и там то же, придется воочию смотреть, правдивы данные, или нечто неизвестное влияет на результаты замеров по второй шкале.

Глава 9. «Бить ребенка»

Лучшее место на планете, не пропустить стаканчик не упустить возможность. Бар, где взрослые видят, во что играют дети, что занимает развивающиеся мозги.

Работу здесь Ангелова нашла заглянув с улицы, без решимости приступить к трудовым обязанностям немедленно. Помещение разделено стеклом, видно что происходит.

Идеология проста, все кто выступает за телесное физическое превосходство над новым поколением, преследуя благие постулаты о воспитании, что движет в грядущем людей прочь, на слом систем морали. Одни виноваты в прямолинейности, другим вменили безрассудность, не бить ведь их самим в комнатах, где все напоминает о беззаботном детстве. В детском отсеке была добротная мебель, штурвал с рейс-мачтой, канаты и разноцветные маты под ними. У взрослых ничто не было роскошным и чрезмерно вычурным, обычные столы, напитки по бросовым относительно среднего заведения ценам, бесплатные слоеные шорт-тортики позволяли не брать дюшес.

Подросткам хотелось звать на помощь, но строги проверяющие за невидимыми камерами. Когда шалопаи получают по заслугам вместе, нельзя точно понять, искуплен ли просчет, видно желание перейти в ранг тех, кто готов выполоть ростки величия. Стоимость для двух отпрысков и выше была ниже низшего для любых детских билетов поначалу, но желающих онтологически отделить словесное порицание от бития находилось все меньше, так что бар предоставлял услугу бесплатно, не считая общей кассы на провожающего и приборку.

– Ненадежный сотрудник лучше чем надежный сотрудник, в условиях, когда все предадут, ненадежный и предаст ненадежно, – взялся босс, не отмечая обеденный старт дня.

– Вам виднее. У меня союзничество связано с влечением к защите прав обычного человека, что и недели не проживет без маркировки, у него время всегда называется, каждый день, дюжина, месяц, треть года имеет свойское собственное имя, иногда им делится, порою нет. Эту тайну он рассказал такой открытой девушке, и потом забыл с помощью ее лучших друзей на много лет. Чего не пробуют столпы этики против влечения, чтобы продолжать незаметно подкармливать забавного дьяволенка, преградив ему впрочем путь к сердцу конкретного человека. Например, хорошо идут уколы во сне, подмешивание известных препаратов, удушение во сне, распространение слухов, передразнивание.

– Увеличить пособие на выходные?

– Феминный и феминизированный вялотекущий патернализм с претензией на единоначалие, выбор тех, кто наступает на жесткость, не позволяет растить послушных, бесприкословных чад, выполняющих разрядку специализированных отделов, или негласные условности, соблюдаемые не без мнительной усталости, согласны?

Не удостоверив ответом девушку, босс прошел в закула и приступил к разделке полученной прибыли. Основное прислали из Организации за молодежный мир, тельняшки, новые доски под плюшевый дартс. Она научится не рефлексировать столь отчаянно, не бунтовать оставив приличия, есть стандарты соотношений, проверенные не сегодня.

Что ни день, новые задачи приходилось выполнять группам условных и мыслепреступлений, одни били в ретро барабаны для зорьки, другие боролись с аниматорами в костюмах эпичных животных, часть испытывали на прочность бросая в поролоновый ад.

– Кому говорю! Немедленно снял эти ботинки и одел чистые тапочки. Их не нарочно поставили рядом с табуретом. Я тебе устрою внеплановые именины любимого почитаемого святого. Будешь слушать? – очень вежливо отчитывала взрослого почти крепыша, очевидно близкая родственница.

– Конечно. Извини пожалуйста. Стараюсь, – искренне на первый взгляд отнекивался вундеркинд в футболке скай-фишинга с нерестящейся горбушей.

– Надо было одевать свитер, тебе ведь нравится полоска?

– Не нарочно, – ребенок призадумался о завтрашней контрольной, давай в следующие выходные на поролон.

– Давать тебе будет в покорности принятым коэффициентам сотрудница обмена валют в Мьянме. Зачем так поспориться хочешь, или скучаешь по примерам.

– Это не жизнь, – пожаловался громогласно неблагодарный.

– Везет, что не начал на улице, где тебя быстро освободили от злобы бы равноудаленные от твоих завихрений принявшие неизбежное люди, им также не ясен твой норов, что хочешь получить, мне негде поставить тебе плохую оценку.

– Сходим в кафе, возьмем шейк, – влетал телевизионные штампы негодник, мотая за шнурки кед.

– Пусть ваш сам бежит к своим, а мы покамест подготовимся, до начала не так чтобы с яхтом времени, где не посидеть, кроме нашей фирменной стойки, – вмешался босс, предлагая решить конфликт без продолжения, демонстрируя, что не имеет прав вмешаться, но к чему на людях быть грубыми.

К половине восьмого пришли почти все, кто оформил заказ на представление.

– Что вы! Не смею задерживать своим вас, отвлекать от душевных разговоров, обмена опытом.

На море, где благоверный Ангеловой впервые за четыре недолгих сезона получал ровный загар, звенел штиль, мирно бродили не чая познакомиться отдыхающие парами, шумела компания игроков в пляжный волейбол. Здесь многое напоминало ее, эта на три четверти не осушенная кварта кьянти, девушка со своим возлюбленным, трущаяся у стенда с разрешенными видами активности в прибрежной полосе. Разносчица бижутерии с укоризной смотрящая удалявшемуся ретиво продавцу помело, сочная мякоть проникла вкусом вседозволенности после ругани за отчаянную сигарету от мисс-бикини, и где они покупают такой срам, растянул улыбку, припомнив разбор летней моды в свежести рабочей курилки. Неподалеку развернулась борьба за номер «Distance», выглядывала розовая кепка со знакомым мячом.

Хотел быть с нею, прикоснуться к пылающему жару плоти, дать разгореться в объятиях после гряды на жалость похожих поцелуев. Она будет видеть сны в километрах одиноко без его ласки, колотить в пол, негодую громыханием хай-энда, новые съемщики не обязались соблюдать негласные договоренности рассерженными взглядами, при том не занимаются собственным чудом, не заставляют быть ответственным, грамотно молчать, когда нет повода для реакции. Они предлагали приходить в бар, не обычную питейную, там сверстники, многие знают что значит не подчиняться, культивировать заносчивость. Босс галантный, поможет установить причину замыкания на неподчинении авторитету старших, кому верят. Вместо согласия слушали эмбиент, надевали до подъездной двери солнцезащитные очки. Мужчина носил бабочку по вторникам, девушка изводила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.